

Вторник, 19 августа 1958 г. № 198 (12814)

Призвание театра

Вот уже много лет являемся мы зрителями чудесного, необычайно душевного и страстного спектакля «Живой труп». Драма Льва Толстого, судьба Феди Протасова, захваченного порывом к жизни, естественной и простой, чуждой лицемерия и лжи, передаваемая М. Романовым, каждый раз по-новому, но все так же сильно и неодолимо покораляет нас. Можно спорить по поводу сценического воплощения некоторых других образов (Лиза — А. Литвинова, Маша — А. Смолярова), но бесспорны целостность общего замысла постановки, крепость актерского ансамбля, неувядающая молодость спектакля, поставленного режиссером В. Нелли на сцене русского драматического театра имени Леси Украинки.

Более двадцати лет с немалым успехом идет у киевлян и пьеса М. Горького «Дети солнца» (режиссеры В. Нелли, Б. Норд, М. Романов). И здесь раскрывается перед зрителем увлекательный мир души другого русского человека, однофамильца героя толстовской драмы, воплощаемого с такой же могучей художественной силой М. Романовым.

И «Живой труп», и «Дети солнца» входят в золотой фонд киевского театра. Нельзя не выразить радость по поводу того, что коллектив так бережно и так трепетно относится к этим лучшим своим творениям.

В свете этих двух спектаклей особенно заметны серьезнейшие изъяны репертуара нынешних московских гастролей коллектива, значительные художественные минусы некоторых его последних работ.

В самом деле, что, кроме «Живого трупа» и «Детей солнца», привезли киевляне в Москву? «Женитьбу Белугина» А. Островского и Н. Соловьева, «В пуще» Л. Украинки, «Мораль пани Дульской» Г. Запольской, «Такая любовь» П. Когута, «Дерева умирают стоя» А. Касона, «В поисках радости» В. Розова, «Чертова речка» Л. Аграновича, «Когда цветет акция» Н. Винникова и для выступлений в парках столицы — «Дочь прокурора» Ю. Яновского.

Театр, смелый, ищущий и инициативный, приехал на этот раз с репертуаром, в большинстве своем широко известным москвичам.

Дело не только в том, что репертуар московских гастролей киевлян в значительной мере лишен своеобразия и свежести. Главная беда — отсутствие произведений, глубоко, ярко отражающих те замечательные процессы, которые характеризуют современную социалистическую действительность. А в создании и сценическом воплощении произведений именно такого рода и состоит главное призвание советского театрального искусства.

Разговор о творческом облике театра не может быть сведен только к репертуару. Важно и его воплощение.

Театр им. Леси Украинки, призванный быть проводником и поборником высоких традиций сценического реализма и являющийся таковым в лучших своих спектаклях, в некоторых последних работах от этих традиций отступает.

В этом смысле особенно показателен спектакль «В пуще». Киевляне решили познакомить москвичей с талантливым произведением, которое никогда раньше не шло на столичной сцене. Честь им и хвала за это! Однако сценическое воплощение пьесы (режиссер Н. Соколов), самый принцип решения ряда образов вызывают серьезные возражения.

Конечно, было бы неверно играть драматическую поэму Леси Украинки, пронизанную страстным протестом против нищих духом торгашей и религиозных изуверов, произведение ярко выраженное романтического звучания, как бытовую пьесу. Но ведь дистанция огромного размера отделяет манеру речи простую, сильную, благородную от ложного и фальшивого театрального пафоса. А киевский театр, как бы поставивший героев драмы на котурны, пошел именно по последнему пути.

Особенно заметна эта «тяга к котурнам» в игре талантливого актера Ю. Лаврова, исполняющего роль Годвинсона. Этот проповедник олицетворяет темную, мрачную и страшную силу, его мракобесие граничит с фанатизмом. На сцене же мы видим кривляющегося ничтожного человечка, фальшивость которого не разглядит разве лишь тот, кто полностью потерял зрение. Ю. Лавров не один повинен в подобном поверхностном и упрощенном решении роли. Все дело в принципе воплощения пьесы. Не дорогой сценического переживания пошел в данном случае театр, а путем сценического представления, не согретого живыми человеческими эмоциями.

Элементы представительства, напыщенной декламации дают себя знать в исполнении ролей и Ричарда Айрона А. Решетниковым, и старшего колониста Педдингтона М. Розиным, и индианки-дикарки Е. Герасимовой, и ряда других.

Иного рода поверхностность присуща спектаклю «В поисках радости», поставленному М. Романовым. Здесь есть значительные актерские удачи: Лена — М. Швидлер, Леонид Павлович — Е. Балиев. Но разве дело в отдельных удачах? Театр решил пьесу как веселую, смешную комедию, местами почти водевиль. В итоге глубокие авторские раздумья о жизни, о счастье и призвании, о чистых и нечистых путях — все это отошло куда-то на третий план.

Подобный подход к пьесе пагубно сказался и на некоторых актерских работах. По началу пленяет исключительная непосредственность Олега в исполнении О. Борисова. Но по мере развития спектакля актер, увлеченный общим стремлением — смешить зрителей, начинает «кокетничать» своей непосредственностью, нарочито подчеркивает ее, утрачивая и чувство меры, и чувство правды.

Живой интерес, но одновременно и серьезные возражения вызывает постановка пьесы «Такая любовь», осуществленная Н. Соколовым. Талантливое и чистое, честное в своей основе произведение П. Когута страдает и значительными авторскими просчетами. Среди ее героев мы не встречаем крепких, цельных характеров, все это натуры раздвоенные, рефлектирующие.

Позиция театра оказалась не очень четкой. Н. Рушковский зло и убедительно разоблачает своего героя, преуспевающего ученого Петра Петруса, подчеркивая его карьеризм, лицемерие, фразерство. Однако не все в режиссерском решении верно и плодотворно. Согласно авторской ремарке, Человек в мантии поднимается на сцену из зрительного зала. Так и должно быть: он допрашивает и судит от имени зрителей. Постановщик же заставил подниматься на сцену из зрительного зала всех героев. Из зрительного зала несутся и возгласы гнева, возмущения в сцене лекции Петруса о семейном праве. Ради чего прибегнул театр к такому приему? Чтобы подчеркнуть обыденность и распространенность происходящего в пьесе? Но это не соответствует правде жизни, нарушает ее. В результате театр кое в чем усилил драматургию, но еще больше углубил его просчет.

Все три новых спектакля киевлян оказались намного слабее «Живого трупа» и «Детей солнца».

Гастроли театра в Москве со всей очевидностью говорят о том, что он находится в серьезном долгу перед современниками, повседневно свершающими в жизни смелые и чудесные открытия. Подобных же крупных открытий — открытий художественных — современники ждут и от театра. Сценическому коллективу имени Леси Украинки они вполне по плечу. Хочется верить, что в ближайшее время театр услышит взволнованное, сердечное спасибо не только за создание образа Протасова, но и образа нашего современника — человека души большой, красивой и радостно щедрой.

Юр. ЗУБКОВ.